

Ἑρμηνεία

«Герменейя». Журнал философских переводов

№ 1 (3) 2011

Жан Бодрийяр
Джордж Дуглас
Хилари Патнэм
Сёрен Кьеркегор
Клаус Мюллер

в переводах

А. Анисина

О. Матвейчева

И. Джохадзе

А. Лызлова

Д. Чепеля

Содержание

Жан Бодрийяр. Симуляция. <i>Перевод А. Л. Анисина</i>	3
Дж. Дуглас. Понятие поэтической истины у Хайдеггера. <i>Перевод О. Матвейчева</i>	13
Х. Патнэм. Вопрос о реализме. <i>Перевод И. Джохадзе</i>	20
С. Кьеркегор. Евангелие страданий. Христианские беседы. <i>Перевод А. В. Лызлова</i>	37
Клаус Мюллер. О возможности и необходимости говорить сегодня о Боге. <i>Перевод Д. Чепеля</i>	144

Симуляция

ЖАН БОДРИЙЯР

*Baudrillard Jean. Die Simulation / Wege aus der Moderne:
Schlüssel-Texte ol. Postmoderne-Diskussion. Weinheim:
VCH, Acta Humanoria, 1988.
Перевод с немецкого А. Л. Анисина*

Метафизика кода

Великие симулякры, созданные людьми, переходят от универсума естественных законов к универсуму сил и силовых напряжений, а в настоящее время — к универсуму бинарных структур и противоречий. После метафизики сущности и явления, после метафизики энергии и детерминизма сейчас приходит метафизика индетерминизма и кода. Кибернетический контроль, производство посредством моделей, дифференциальная модуляция, feed-back (пароль—отзыв. — *Примеч. перев.*), вопрос / ответ — все это новая, операционная взаимосвязь (в то время как индустриальные симулякры были лишь оперативными). Дигитальность есть ее метафизический принцип (чем был Бог у Лейбница), а ДНК — ее порок. Действительно, сегодня «генезис симулякров» достигает в генетическом коде своей совершенной формы. В высшем пункте все более нарастающего уничтожения отзывов и финальностей потери подобий и обозначений открывают дигитальный и программный знак, чья «стоимость» определяется чисто тактически через пересечение с другими сигналами (информационная корпускула / тест) и чья структура есть микромолекулярный код команды и контроля.

Проблема знака, вопрос о его разумном определении, о реальном и воображаемом в нем, о его вытеснении, его извращении, об иллюзии, которую он представляет, о том, что он умалчивает, или о его побочном значении — все стирается на этом уровне. Можно было уже наблюдать, как знак первого порядка, сложный и полный иллюзий, превращается машинами в неуклюжий, тупой, индустриальный, повторяющийся, оперативный, эффективный знак без отзвуков. Но какая еще более радикальная

мутация произошла у непрочитываемых и неинтерпретируемых знаков кода, которые, как некая программная матрица, удаленная на расстояния световых лет, захоронены в основе биологического тела — black box, где и производятся все команды и ответы? Покончено с театром репрезентации, пространством знака, его конфликтов, его молчания, остался лишь black box кода, молекула, от которой исходят сигналы, просвечивающие нас вопросами / ответами и пересекающиеся в качестве сигнальных лучей, которые не разрушающе контролируют нас с помощью программы, вписанной в наши собственные клетки. Раковые клетки, электронные элементы, партийные ячейки, микробиологические клетки (обыгрываются различные значения слова *Zelle*. — *Примеч. перев.*) — речь всегда идет о поиске наименьших неделимых элементов, чей органический синтез совершается соответственно данности кода. Но сам код есть нечто иное, чем генетически генерирующая клетка, в которой мириады схем и комбинаций продуцируют все вопросы и все мыслимые развязки с принуждением к решимости (на что?). Для этих вопросов (информативных и сигнализирующих возбуждение) не имеется другой финальности, кроме как ответа, который заложен генетически или слегка варьирован крохотными и случайными отличиями. Голо-линейное и одномерное пространство — это пространство клетки, в котором беспрестанно продуцируются те же самые знаки, как тоска заключенного, помещенного в одиночестве и однообразии. Это генетический код: молчаливо установленная, неподвижная дискета, и мы лишь ее считывающие ячейки. Вся аура знака, само значение разрешается от детерминации: все разрешается в инскрипции и декодировании.

Это есть симулякр третьего порядка, наш симулякр; это есть «мистическое изящество бинарной системы нуля и единицы», из которой выходят все живые существа; это есть статус знака, который равно является концом сигнификации, — ДНК или операционная симуляция.

Тактильное и дигитальное

Управление посредством моделей генетического кода вовсе не ограничивается лабораторными изысканиями или сумасбродными представлениями теоретиков. Сколь угодно банальнейшая жизнь насквозь проникнута этими моделями. Дигитальность среди нас. Она есть то, что во всех сообщениях, во всех знаках привидениями обступает наше общество. Конкретнейшая форма, в которой можно ее схватить, состоит в тесте, в вопросе / ответе, в стимуле / реакции. Все содержания нейтрализуются через непрестанную процедуру гибкого опроса, декодирующих вердиктов и ультиматумов, которые хотя не происходят более от осно-

ваний генетического кода, но обладают своей тактической индетерминированностью. Цикл значения бесконечно укорачивается при этом до цикла вопроса / ответа, бита, наименьшего единства энергии / информации, которое отсылает обратно к своему исходному пункту и при этом демонстрирует лишь постоянную реактуализацию тех же самых моделей. Эквивалент этому совершенному нейтрализованию сигнификата через код — в коротком веке модных вердиктов или любого другого обращения рекламы и посредничества. Это так — всюду, где предложение поглощает спрос, где вопрос поглощает ответ или адсорбирует и дает его вновь от себя в декодируемой форме, или изобретает в предвидимой форме, или предвосхищает. Повсюду один и тот же «сценарий», сценарий «trial and error» (как у морских свинок в лабораторном тесте), некий сценарий возможностей выбора, которые обнаруживаются всюду («Тестируйте свою личность»), — всюду тест как фундаментальная общественная форма контроля через бесконечную делимость способов поведения и ответов.

Гиперреализм симуляции

Все это определяет некое дигитальное пространство, некое магнетическое поле кода с поляризованиями, разрушениями, гравитациями моделей и непрерывным потоком мельчайших дизъюнктивных единств (вопрос / ответная ячейка, которая является, таким образом, чем-то вроде кибернетического атома сигнификации). Нужно принять во внимание различие, существующее между этим полем контроля и традиционной репрессивной сферой полиции, соответствующей сигникативному насилию. Это была сфера кондиционирования рефлексов, которая руководствовалась еще павловской экспериментальной установкой программированной повторяющейся (repetitiven) агрессии и которую вновь обнаруживают в различных степенях в постоянной долбежке вербовочных лозунгов и политической пропаганды тридцатых годов. Ремесленное и индустриальное насилие, которое преследует цель произвести запуганное и животно-послушное поведение. Все это не имеет больше смысла. Тоталитарная, бюрократическая концентрация есть некая схема, которая возвращает к эпохе рыночных законов стоимости. Система эквивалентностей тем временем делает необходимым всеобщий эквивалент и тем самым централизацию глобального процесса. Это архаическая рациональность в сравнении с рациональностью симуляции: там не имеется более всеобщего эквивалента, но некое набрасывание веера моделей перенимает регулирующую функцию, а также не имеется более формы всеобщего эквивалента, но форма дистинктивных оппозиций. От выразительного приказа переходят к программированию посредством

кода, от ультиматума — к перманентному давлению, от принужденной пассивности — к моделям, которые были с самого начала сконструированы в соответствии с «активной реакцией» субъекта, рассчитывали на его втягивание, на его причастность («в качестве игрока») вплоть до модели тотального «окружения» из без паузных спонтанных ответов, из восторженных feed-васк'ов и мимолетных контактов. Это есть, по определению Николы Шёффера, «конкретизирование всеобщего настроения».

Это есть великий праздник причастности: он состоит из мириад стимулов, из миниатюрных тестов, из безгранично делимых вопросов / ответных пар, которые все магнетизированы какими-либо великими моделями в поле кода.

Великая культура тактильной коммуникации стоит на пороге под знаком техно-люмино-кинетического пространства и тотального пространственно-динамического театра!

Вся мнимая сфера контакта, сенсорного приспособления, тактильного мистицизма, в конечном счете вся экология позволяют перенести себя на этот универсум операционной симуляции. Делают привычным для себя этот постоянный тест успешного приспособления посредством ассимилирования животного миметизма («Приспособление животных к цветам и формам их окружения является также пригодной моделью для человека». Никола Шёффер), а также индейцев с их «врожденным чувством экологии»! Тропизмы, мимикрия, эмпатия: целое экологическое евангелие открытых систем, с негативной и позитивной feed-back (обратной связью. — *Примеч. перев.*) втискивается в эту брешь — их идеология систем управления посредством информации, которое, однако, приспособленное к некоей более гибкой реальности, есть, конечно, не более чем преобразование павловских рефлексов. Так перешли в кондиционировании духовного здоровья от электрошока к выразительному обучению тела. Устройства власти и постоянного принуждения создают всюду место более диффузным устройствам окружения, которые действуют посредством операционализации представлений, потребностей, восприятий, желаний и т. д. Некая универсальная экология, мистицизм «ниш» и общей взаимосвязи, симуляция среды, которая идет даже вплоть до «центров эстетических и культурных импульсов», предусмотренных в VII плане (почему бы и нет?), а также вплоть до «центра сексуального оформления свободного времени», который выстроен в форме груди и «обещает потрясающую эйфорию в возбуждающей атмосфере... Рабочему всех классов эти центры будут доступны». Равное пространственно-динамическое очарование, как в том тотальном «театре», который набросан как некий круговой (формы), гиперболический, вращающийся вокруг цилиндрической оси аппарат: не имеется больше ни сцены, ни дистанции, ни «взгляда»: здесь конец зрелища, зрителей, имеется только лишь тотальное, сливающееся, тактильное, эстетиче-

ское (и не эстетическое уже) окружение. Только с черным юмором можно еще думать при этом о тотальном театре Арто, о его театре жестокости, чья пространственно-динамическая симуляция есть чудовищная карикатура. Жестокость в нем заменяется через минимальный и максимальный «порог стимуляции» и через изобретение «рассчитываемого на основе порога насыщения кода восприятия». Даже добрый старый «катарсис» из классического театра страстей становится сегодня посредством симуляции гомеопатическим. Такая сложилась ситуация с творчеством.

Реальность тонет в гиперреализме, в буквальном удвоении реального, преимущественно на основе других репродуктивных средств — реклама, фото и т. д. — и от средства к средству реальное испаряется, оно становится аллегорией смерти, но и в этом своем разрушении оно утверждает и надстраивает себя: оно становится реальным совершенно, фетишизм потерянного объекта — уже не объект репрезентации, но экстатическое отречение и ритуальное изгнание самого себя: гиперреальное.

Реализм уже возвещает эту тенденцию. Уже риторика реального сигнализирует, что его статус значительно изменен (золотой век есть век невинности языка, который не должен удваивать ничто из того, что он говорит об опечатке реальности). Сюрреализм еще солидарен с реализмом, которым он пренебрегает, однако он уже удваивает посредством своего вторжения в иллюзорное. Гиперреальное — намного дальше ушедшая стадия, в которой стираются даже противоречия между реальным и иллюзорным. Ирреальность есть не более чем ирреальность сна или фантазма, посю- или потустороннего, это ирреальность галлюцинирующего подобия реального с самим собой. Для того чтобы преодолеть кризис репрезентации, нужно заключить реальное в чистом повторении. Эта тенденция показывает себя, прежде чем всплывает в поп-арте и неореалистической живописи, в «nouveau roman». Уже там существует интенция создать вокруг реального некую пустоту, элиминировать всю психологию, всю субъективность и все отдать на откуп чистой объективности. Но на деле эта объективность есть не что иное, как объективность чистого взгляда — некая объективность, наконец-то освобожденная от объекта, который есть не более чем слепое реле ощупывающего взгляда. Некое круговое возбуждение, в котором легко узнать бессознательную попытку не быть более увиденным.

Именно это впечатление пробуждает неороман: эта мания исключить смысл из слепой и педантичной реальности. Синтаксис и семантика исчезли — не имеется более проявления объекта, только лишь его голое прицитирование, ожесточенное протоколирование его рассыпанных фрагментов — ни метафоры, ни метонимии, только лишь беспробельная имманентность под полицейской инстанцией взгляда. Эта «объективная» микроскопия создает опьянение реальностью, опьянение смертью у границы

Евангелие страданий Христианские беседы

С. КЬЕРКЕГОР

*Lidelsernes Evangelium // Søren Kierkegaard. Samlede værker.
Bind 11. / Udgivet af A. B. Drachman, J. L. Heiberg og H. O. Lange.
3 udgave. Gyldendal, 1982. S. 197–313.
© Перевод с датского. А. В. Лызлов, 2009*

Предисловие

Эти христианские беседы (которые более чем в одном отношении не являются *проповедями* и потому более чем по одной причине не названы так) предназначены не для того, чтобы «полюбопытствовать в свободную минуту»; напротив, если хотя бы один-единственный страдающий, и притом, возможно, заблудившийся во множестве мыслей, читая их, вздохнёт с облегчением в тяжёлую минуту, нападёт в них на след, ведущий через эти многие мысли, тогда их автор не будет раскаиваться в том, что решил их написать.

Это «Евангелие страданий», и это означает не то, что эти беседы исчерпывают свой предмет, но то, что каждая беседа словно глоток воды, почерпнутой из этого, слава Богу, неисчерпаемого источника; не то, что одна-единственная беседа могла бы быть исчерпывающей, но то, что каждая из этих бесед черпает достаточно глубоко, чтобы почерпнуть радость.

С. К.

I

Молитва

Ты, Кто некогда Сам бродил по земле, оставляя следы, по которым должны следовать мы; Ты, Кто ныне с Небес смотришь вниз на каждого странника, подкрепляешь утомлённого, ободряешь унывающего, возвращаешь на путь заблудшего, утешаешь того,

кто сражается; Ты, Кто ещё раз в конце времён должен вновь прийти для того, чтобы судить каждого, следовал ли он Тебе: Бог наш и наш Спаситель, да будет всегда пред очами души нашей ясен Твой образ, рассеивающий туман; укрепи нас, чтобы лишь на него нам взирать неизменно, чтобы мы, уподобясь Тебе и последовав за Тобой, смогли найти благой путь к Твоему суду, ведь на то и рождается всякий человек, чтобы предстать пред судом Твоим, но также на то, чтобы обрести Тобой вечное блаженство в ином мире с Тобой. Аминь.

*Кто не несёт креста своего и идёт за Мною,
не может быть Моим учеником (Лк. 14: 27).*

На жизненном пути нет недостатка в руководстве, что и не удивительно, когда любое заблуждение выдаёт себя за руководство. Но если заблуждений и множество, то всё же истина лишь одна, и лишь Один есть «путь и жизнь»¹, лишь одно руководство по истине ведёт человека по жизни к жизни. Тысячи и тысячи людей носят имя, говорящее о том, что они избрали это руководство, что они принадлежат Господу Иисусу Христу и по имени Его называют себя христианами, что они Ему несут службу, будь они в остальном господа или слуги, рабы или свободные, мужчины или женщины. Они называют себя *христианами* и называют себя также другими именами, каждое из которых по своему свидетельствует об избранном ими руководстве. Они называют себя *верующими*, свидетельствуя этим, что они странники, гости и изгнанники в мире; ведь и палка в руке не столь ясный признак того, что её обладатель — странник (многие ведь ходят с палкой, вовсе не будучи странниками), сколь ясно тот, кто называет себя верующим, свидетельствует тем самым перед всеми, что он пребывает в странствии, ведь вера как раз означает: то, что я ищу, находится не здесь, именно поэтому я верю в это. Вера означает именно глубокое, сильное, блаженное беспокойство, которое подвигает верующего к тому, чтобы он не мог успокоиться в этом мире, так что тот, кто совершенно успокоился, тот перестал быть и верующим; ведь верующий не может просто неподвижно сидеть, как сидят порой, держа в руке палку для странствий, верующий подвизается. — Они называют себя «*собранием святых*», обозначая этим то, чем они должны и чем им следует быть, чем они надеются некогда стать, когда вера упразднится² и странствие окончится. — Они называют себя *крестоносцами*, свидетельствуя этим, что их путь по миру не лёгок, как танец, но тяжёлый и утомителен, и всё же вера в них — это радость, кото-

1. Ср. Ин. 14: 6.
2. Ср. 1 Кор. 8–12.

рая побеждает мир; ведь так же, как корабль, гонимый попутным ветром, легко летит вперёд под парусами, и в то же время прорезает килем трудный путь через океан, лёгок и путь христианина, если смотреть на веру, но тяжёлок, если смотреть на лежащий в основе утомительный труд. — Они называют себя «последователями Христа», и именно на этом имени мы остановимся подробнее в этот раз, размышляя о том,

*что значит следовать за Христом
и какая в этом радость.*

Когда отважный воин храбро пробивается вперёд, подставив грудь всем стрелам неприятеля, а спиной закрывая своего денщика, следующего за ним сзади, — можно ли сказать тогда, что этот денщик следует за ним? Когда любящая жена в человеке, которого она любит больше всего, что есть в мире, в своём муже видит прекрасный пример того, чего она хотела бы достичь в жизни, и вот она по-женски (ведь женщина всё же была взята из бока мужчины) идёт с ним бок о бок, во всём опираясь на него, — можно ли сказать тогда, что эта жена следует за своим мужем? Когда бесстрашный учитель стоит спокойно на площади, окружённый поносящими его, преследуемый завистью; когда все нападки нацелены лишь на него, а его сторонник, согласный с ним, никогда нигде не даёт о себе знать, — можно ли сказать тогда, что этот сторонник следует за ним? Когда курица видит приближающегося врага и простирает крылья, чтобы спрятать цыплят, идущих следом за ней, — можно ли сказать тогда, что эти цыплята следуют за курицей? Нет, этого здесь не скажешь; отношение должно тогда стать другим. Отважный воин должен отойти в сторону, чтобы теперь иметь возможность увидеть, последует ли за ним его денщик — последует ли за ним в настоящей опасности, когда все стрелы метят в его грудь, или же он трусливо покажет опасности спину и, лишившись защиты со стороны смелого, сам потеряет смелость. Благородный муж, ах! он должен отойти в сторону — отойти от неё в мир иной, чтобы теперь могло обнаружиться, последует ли за ним его печальная вдова, лишившись его поддержки, или же она, утратив эту поддержку, забудет и его пример. Бесстрашный учитель должен скрыться, или его должна укрыть могила, чтобы теперь можно было видеть, последует ли за ним его сторонник, выстоит ли он на площади, окружённый поносящими его, преследуемый завистью, или же он в живой жизни с позором отступит с этого места, потому что нет уже рядом учителя, который, умерев, покинул это место с честью. — Следовать за кем-то означает идти тем же путём, каким шёл тот, за кем ты следуешь; тем самым это означает, что ты не видишь уже перед

собой спину того, за кем следуешь. Потому-то ведь и Христос должен был сперва уйти, умереть, чтобы тогда смогло обнаружиться, последуют ли за Ним ученики. С тех пор прошло уже много-много столетий, но всё же это неизменно происходит так и поныне. Ведь есть время, когда Христос почти осязательно идёт рядом с ребёнком, идёт перед ним; но после приходит и время, когда Он удаляется и перестаёт быть видим глазами воображения, чтобы теперь в серьёзности решения могло обнаружиться, последует ли взрослый за Ним.

Когда ребёнку позволяют держаться за материнскую юбку, можно ли тогда сказать, что ребёнок идёт тем же путём, *каким* идёт мать? Нет, так, конечно, не скажешь. Ребёнок должен сперва научиться ходить — самостоятельно, в одиночку, — прежде чем он сможет идти тем же путём, *каким* идёт мать, и так, как она идёт. И когда ребёнок учится самостоятельно ходить, что нужно делать матери? Ей нужно исчезнуть из виду. Мы ведь прекрасно знаем, что её нежность к ребёнку остаётся всё той же, остаётся неизменной и даже, пожалуй, возрастает в то время, когда ребёнок учится самостоятельно ходить; однако ребёнок может, пожалуй, не всегда это понимать. Но так же, как ребёнок должен научиться самостоятельно ходить, так и, духовно понимая, перед тем, кто становится чьим-то последователем, стоит задача научиться ходить самостоятельно, одному. Как удивительно! Полусхотя и всегда с улыбкой мы говорим о беспокойстве ребёнка, когда ему приходится учиться ходить одному, не держась за материнскую юбку; и тем не менее в языке нет, вероятно, более сильного или более трогательного или более верного выражения для глубочайшей печали и страдания, чем это: идти одному, идти в полном одиночестве. Мы ведь прекрасно знаем, что на Небесах забота о человеке остаётся неизменной и даже, если такое возможно, там ещё больше пекутся о нём в это полное опасностей время; однако человек может, пожалуй, учась, не всегда это понимать. — Следовать за кем-то означает, тем самым, идти одному, идти в одиночку тем путём, *каким* шёл учитель; не иметь рядом с собой никого, с кем ты мог бы посоветоваться; быть должным самому выбирать; тщетно кричать, как тщетно кричит ребёнок, ведь мать не смеет помочь ему видимым образом; тщетно отчаиваться, ведь тебе никто и не может помочь, и Небо не смеет помочь тебе видимым образом. Но невидимая помощь как раз и состоит в том, что тебя учат идти в одиночку; ведь этим тебя учат располагать свой дух в подобии с расположением духа учителя, а этого не увидишь глазами. Идти одному! Да нет, вовсе нет человека, который мог бы совершить за тебя выбор или дать тебе в последнем и решающем смысле указание там, где дело идёт о единственно важном; дать тебе решающее указание там, где дело идёт о твоём блаженстве; и даже если бы было много желающих это сделать, тебе это пошло бы только во вред. Один! Ведь

если ты уже сделал выбор, ты найдёшь себе спутника, но в решающее мгновение — и всякий раз здесь есть смертельная опасность — ты оказываешься один. Никто, никто не слышит твоей вкрадчивой просьбы и не замечает твоего бурного сетования — и всё же на Небесах нет недостатка в помощи и в попечении о тебе; но эта помощь невидима и состоит как раз в том, что тебя учат идти в одиночку. Эта помощь приходит не извне, как когда тебя берут за руку; она не поддерживает тебя, как любящий человек поддерживает больного; она не влечёт тебя силой назад, когда ты сбился с пути. Нет, если ты покоряешься совершенно, отсекаешь всю свою волю, проявляешь глубочайшую преданность всем сердцем и всем умом — тогда незримым образом приходит помощь; но ты, поступая так, как раз идёшь в одиночку. Невозможно увидеть могучий инстинкт, которым руководствуется птица в своём долгом пути; инстинкт не летит вперёд, а птица за ним; все выглядит так, словно птица сама находит путь: так сокрыт от глаз и учитель, а можно видеть только последователя, который уподобляется ему, и всё это выглядит так, словно последователь сам находит путь, — выглядит так, покуда это истинный последователь, который идёт в одиночку тем же путём.

Вот что такое «за кем-то последовать». Но *последовать за Христом* означает взять свой крест или, как сказано в прочитанном нами тексте, нести свой крест. Нести свой крест означает отвергаться себя; Христос разъясняет это, говоря: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». (Мф. 16: 24). Это и есть «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной». (Флп. 2: 5–6, 8). Такой дан нам образ, таким должен быть и последователь, несмотря на то что самоотвержение — это *долгий и тягостный труд*, что нужно брать тяжкий крест, нести тяжкий крест — крест, который, согласно данному образу, нужно нести в послушании до самой смерти, так что последователь даже если и не умрёт на кресте, то всё же уподобится этому образу тем, что умрёт, «неся крест». Отдельный хороший поступок, отдельное великодушное решение не есть ещё самоотвержение. Ах! в мире потому, вероятно, учат, будто это — самоотвержение, что даже этот случай оказывается столь редким, что на него смотрят с удивлением. Но христианство учит иначе. Христос не сказал ведь богатому юноше: «Если хочешь быть совершенным, то продай всё своё имение и раздай нищим». Многим, вероятно, даже один только этот призыв покажется чрезмерным и странным; многие, вероятно, вовсе не восхитились бы этим юношей, если бы он так поступил, но посмеялись бы над ним как над чудаком или пожалели бы как больного. Однако Христос говорит иначе, Он говорит: пойдя продай всё, что имеешь, и раздай это нищим, «и приходи,

последуй за Мною, взяв крест». (Мк. 10: 21). Таким образом, продать всё своё имение и раздать нищим ещё не значит взять крест, это — самое большое — начало, хорошее начало для того, чтобы затем взять крест и последовать за Христом. Раздать всё нищим — это первое, это — если язык допускает здесь простительное остроумие — означает *взвалить на себя крест*; за этим же следует непрестанное продолжение: *нести свой крест*. Это несение креста должно иметь место ежедневно, а не как исключение один только раз; и оно никак, никак невозможно без того, чтобы последователь был готов оставить всё, отвергаясь себя. По сути, совершенно безразлично, является ли то, в чём он не хочет отвергнуться себя, чем-то, как говорится, незначительным, или же это нечто большое, ведь и незначительное становится бесконечно значимым как вина, когда оно расходится с самоотвержением. Был, возможно, человек, который, надеясь приобрести этим высшее в полноте, с готовностью сделал то, чего не сделал богатый юноша, но который, однако, не стал последователем Христа, потому что он остался стоять, «оглянувшись назад»³ — после своего великого подвига; или же он пошёл вперёд, но не стал последователем Христа потому, что думал, будто совершил нечто столь великое, что незначительные вещи уже не могут на это повлиять. Ах! откуда же происходит то, что труднее всего отвергнуться себя в незначительных вещах? Не оттого ли, что самолюбие, имеющее некий благородный вид, тоже, по-видимому, способно к самоотвержению в чём-то большом; но чем меньше, чем незначительнее, чем мизернее то, в чём нужно отвергнуться себя, тем оскорбительнее это для самолюбия, потому что, когда стоит такая задача, у самолюбивого сразу же улетучиваются его собственные и чужие высокопарные представления; тем смиреннее поэтому будет самоотвержение в этом случае. Откуда же происходит то, что труднее всего отвернуться себя, когда живёшь один, словно в берлоге? Не оттого ли, что самолюбие, имеющее некий благородный вид, тоже, по-видимому, способно отвергнуться себя, когда на это с изумлением смотрят многие. Но поскольку не важно, каково то различное, в чём единичный человек в своей определённой ситуации отвергает себя, постольку нищий может, безусловно, в такой же мере отвергнуться себя, что и король: настолько не важно, каково то различное, в чём дано человеку отвергнуться себя. И это тяжкий и обременительный труд. Ведь труд этот заключается, вероятно, лишь в том, чтобы сбросить с себя всякое бремя, и потому он мог бы показаться лёгким; однако вся трудность в том, что нужно сбросить те самые бремена, которые самолюбие столь охотно желает нести — столь охотно, что самолюбию уже очень трудно бывает понять, что это именно бремена.

3. Ср. Лк. 9: 62.

Итак, следовать за Христом означает отвергаться себя и означает *идти тем же путём*, каким шёл Христос, принявший смиренный образ раба, нуждающийся, отверженный, осмеянный, не любящий мира и не любимый им. И это означает тем самым *идти одному*, ведь тот, кто самоотверженно отрекается от мира и от всего, что в мире, отрекается от всех отношений, которые могли бы пленять и соблазнять его, «так что он не идёт ни на поле своё, ни на торговлю, ни на женитьбу»⁴; тот, кто, если становится нужно, конечно, не меньше, чем прежде, любит отца и мать, сестру и брата, но любит Христа настолько, что о нём можно сказать, что он ненавидит их: он идёт ведь один, один в целом мире. Да, в сумятице житейских хлопот такая жизнь кажется чем-то трудным, невозможным, кажется невозможным даже судить о том, живёт ли некто так на самом деле; но давайте не забывать, что именно вечности будет предоставлено судить о том, насколько решена эта задача, и что серьёзность вечности заставит тогда стыдливо молчать обо всех тех мирских вещах, о которых постоянно говорится в мире. Ведь в вечности тебя не спросят, сколь большое состояние ты *оставил*, — об этом спрашивают оставшиеся *после* тебя; не спросят и о том, сколько ты выиграл битв, сколь умным ты был, сколь могущественным было твоё влияние, — ведь это останется *после* тебя твоей *посмертной* славой. Нет, вечность не спросит о том *мирском*, что *после* тебя останется в мире. Но она спросит о том, какое богатство собрал ты на Небесах; о том, сколь часто ты побеждал свой грех; о том, насколько ты господствовал над собою или же ты был себе рабом; о том, сколь часто ты владел собою в самоотвержении, или же ты никогда не делал этого; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, готов был на жертву ради хорошего дела, или же ты никогда не был на это готов; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, прощал своего врага, до семи ли раз, или до седмижды семидесяти раз⁵; о том, сколь часто ты, отвергаясь себя, терпеливо переносил оскорбления; о том, в чём ты пострадал не ради себя, не ради своих корыстолюбивых намерений, но в чем ты, отвергаясь себя, пострадал ради Бога. — И Тот, Кто об этом спросит тебя, Тот Судия, Чей суд ты уже не сможешь обжаловать ни в какой вышестоящей инстанции, Он не был полководцем, который покорил бы земли и царства, но которому ты мог бы рассказать о твоих земных подвигах: Его Царство как раз не от мира сего; Он не был человеком, носящим пурпурные одежды, кому бы ты мог пытаться составить благородное общество: ведь Его облачили в пурпур, лишь чтобы поглумиться над Ним⁶; Он не имел такого могущественного влияния, что-

4. Ср. Мф. 22: 2–14; Лк. 14: 16–24.

5. Ср. Лк. 17: 4; Мф. 18: 22.

6. Мф. 27: 28.

бы Он мог пожелать быть посвящённым в твои мирские секреты: ведь Он был столь презрен, что знатные люди осмеливались посещать его лишь под покровом ночи⁷. О! всегда утешительно держаться вместе с теми, кто единоклубен с тобою; если кто труслив, не предстать поневоле перед воинским судом; если кто самолюбив и по-мирски расположен, не быть судимым самоотверженными. А этот Судия не просто знает, что такое самоотвержение, Он не просто способен так судить, чтобы не могло укрыться ничто сомнительное, нет, само Его присутствие есть суд, перед которым поневоле немеет и блекнет все мирское, что пользовалось таким успехом в мире, на что изумлённо смотрели и что с изумлением слушали. Его присутствие есть суд, ведь Он был Самоотвержение. Он, будучи равен Богу, принял смиренный образ раба; Он, Кто мог повелевать легионами ангелов и даже возникновением и гибелью мира, ходил по земле беззащитным; Он, Кто всё имел в своей власти, отказался от всей своей власти, так что даже не мог ничего сделать для своих любимых учеников, а мог только предложить им те же условия — быть ничего не значащими в мире, всеми пренебрегаемыми; Он, Кто был Господом всей твари, даже природу понудил вести себя тихо, ведь только когда Он испустил дух, раздралась завеса и гробы отверзлись⁸, и природные силы выдали, кто Он был: если это не самоотвержение, то что тогда самоотвержение?!

Мы размышляли о том, что значит последовать за Христом; теперь же давайте подумаем о том, *какая в этом радость*.

Мой слушатель! Если ты вообразишь себе юношу, стоящего у начала своей взрослой жизни, — юношу, перед которым открываются многие пути и который спрашивает себя, на какое поприще он хотел бы вступить, — разве не старается он тогда точно узнать, куда ведёт каждый отдельный путь, или, что то же самое, не пытается узнать, кто прежде ходил уже этим путём. Тогда мы ему называем известные, славные, громкие имена тех, память о ком сохраняется среди людей. Вначале, возможно, мы называем много имён, чтобы юноша мог выбрать из них, сообразуясь со своими возможностями, чтобы примеры, предлагаемые ему, были перед ним в изобилии; но затем он, движимый внутренней необходимостью, делает хоть и малый, но выбор и так выбирает до тех пор, пока наконец для него не останется лишь одно, одно-единственное имя, которое в его глазах и для его сердца имеет преимущество перед всеми прочими. И тогда сердце юноши бурно бьётся, когда он восторженно называет это для него единственное имя и говорит: этим путём я пойду, ведь этим путём шёл он!

Мы не желаем теперь отвлекаться или терять время, назы-

7. Ср. Ин. 3: 1–2.

8. Мф. 27: 51.

вая множество имён; ведь есть лишь одно только Имя на небе и на земле, одно-единственное, а значит, и один только путь, которые следует выбрать — если ты хочешь выбрать всерьёз и сделать верный выбор. Должно быть именно много путей, поскольку человеку надлежит сделать выбор; но также должен быть только один, который следует выбрать, если серьёзность вечности довлеет этому выбору. Когда, выбирая, можно с равным успехом выбрать как одно, так другое, такой выбор не имеет вечной серьёзности; если выбору довлеет серьёзность вечности, должно быть, безусловно, возможно, выбирая, всё выиграть и всё потерять, — хотя, как было сказано, должна быть и возможность выбрать нечто иное, для того чтобы выбор был выбором.

Есть одно только Имя на небе и на земле, один только Путь, один только Образ. Тот, кто выбирает следовать за Христом, он выбирает Имя, которое выше всякого имени⁹, выбирает Образ, который вознесён превыше небес, но который столь человечен, что он может служить примером для человека, и этот Образ именуется высочайшим и на небе, и на земле. Есть ведь имена и примеры, которые славятся лишь на земле, но высочайшее, единственное Имя должно ведь как раз отличаться этим исключительным качеством, которое, в свою очередь, свидетельствует о нём как о единственном: оно славится и на небе, и на земле. Это Имя Господа нашего Иисуса Христа. Но разве не радостно тогда, что тебе позволено выбрать идти тем же путём, каким шёл Он! Ах, в сбившейся и сбивающей с толку речи этого мира простое и серьёзное слово об этом на беду обращается чуть ли не в шутку! Человек, который стяжал величайшую в мире власть, гордо называет себя последователем Петра. Но быть последователем Христа!.. Да, гордость этим не соблазнишь; это в равной мере доступно самому могущественному и самому малому, самому умудрённому и самому простому, и ведь блаженны как раз малые и простецы. И разве это столь уж замечательно возвыситься над всеми людьми; разве это, напротив, не безотраднo?! Так ли уж это замечательно есть на серебре, когда другие голодают; жить во дворцах, когда другие не имеют даже крыши над головой; быть образованным, когда это недоступно никому из простых людей; сделать себе имя, понимая, что для тысяч и тысяч это исключено, — так ли уж это замечательно?! И если бы это *завидное в земной жизни* отличие было бы высочайшим, разве не было бы это бесчеловечным и разве не была бы тогда жизнь невыносимой для этих счастливых?! Сколь, напротив, всё оканчивается иначе, если единственная радость — это радость следовать за Христом. Но ведь нет и не может быть радости более высокой, чем радость быть способным воплотить в себе высочайшее; и ничто так не может сделать эту высокую радость чистой,

9. Флп. 2: 9.